

Ц Е Ц Е Н Б А Л А К А Е В

БИБЛИОГРАФИЯ ПАРНАСА

Рассказы, эссе, панегирики, этюды

Scribitur ad narrandum, non ad probandum

пишут для того, чтобы рассказать, а не для того, чтобы доказать

Цецен Балакаев

Библиография Парнаса.

Рассказы, эссе, панегирики, этюды

<https://litres.ru/74568628>

SelfPub; 2026

Аннотация

Scribitur ad narrandum, non ad probandum – пишут для того, чтобы рассказать, а не для того, чтобы доказать.

Это книга о писателях – от древних до современников. Не учебник, не хрестоматия, не парадный портрет в золочёной раме. Здесь они живые: за письменным столом и на кухне, в черновике и в ссоре, в дружбе и в зависти, в славе и в безденежье. Повести и рассказы, воспоминания и заметки, этюды и критические работы складываются в библиографию особого рода – опись не книг, а судебных. Лавры здесь соседствуют с прахом, микроскоп – с панегириком. Потому что *ubi vita, ibi poesis* – где жизнь, там и поэзия. И потому что *nulla dies sine linea* – ни дня без строчки.

Сборник собирается и пополняется еженедельно. Это открытая книга, у которой нет последней страницы.

Оформление – обложка, иллюстрации автора.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Цецен Балакаев

Библиография Парнаса.

Рассказы, эссе, панегирики, этюды

Глава 1

Цецен Балакаев

Библиография Парнаса

Рассказы, эссе, панегирики, этюды

Scribitur ad narrandum, non ad probandum – пишу для того, чтобы рассказать, а не для того, чтобы доказать.

Это книга о писателях – от древних до современников. Не учебник, не хрестоматия, не парадный портрет в золочёной раме. Здесь они живые: за письменным столом и на кухне, в черновике и в ссоре, в дружбе и в зависти, в славе и в безденежье. Повести и рассказы, воспоминания и заметки, этюды и критические работы складываются в библиографию особого рода – опись не книг, а судеб. Лавры здесь соседствуют с прахом, микроскоп – с панегириком. Потому что *ubi vita, ibi poesis* – где жизнь, там и поэзия. И потому что *nulla dies sine linea* – ни дня без строчки.

Сборник собирается и пополняется еженедельно. Это открытая книга, у которой нет последней страницы.

Оформление – обложка, иллюстрации автора.

Предисловие: Каталог живых

Multa paucis – многое в немногих словах.

Библиография – слово холодное. Это опись, каталог, сухой перечень корешков и выходных данных. Но за каждым корешком стоит автор, человек. И этот человек не равен своему тексту. Он шире, страннее, противоречивее, чем то, что он успел написать.

Мы привыкли говорить о писателях в двух регистрах. Первый – панегирик: гений, пророк, классик, светоч. Второй – развенчание: тиран, сноб, безумец, неудачник. Оба одинаково далеки от жизни. Жизнь – где-то посередине, в серой зоне, где величие уживается с мелочностью, щедрость – со скупостью, нежность – с капризами. Писатель – это человек, который каждый день садится за стол и делает то, что не умеет делать больше никто. Но перед тем как сесть за стол, он ест, ссорится, влюбляется, считает деньги, боится смерти и пишет письма. И всё это – тоже литература, только непрочитанная.

Этот сборник – попытка прочитать непрочитанное. В нём нет единой системы и нет единой интонации. Здесь будут повести – длинные, вдумчивые, с сюжетом и дыханием. Будут

рассказы – короткие, острые, почти анекдотические. Будут воспоминания – пристрастные, тёплые, иногда несправедливые. Будут заметки – на полях, на салфетках, на обороте конверта. Будут этюды – быстрые, как наброски углём. Будут эссе – свободные, философские, лирические. И будут критические работы – те, где можно не только любить, но и думать.

От древних до современников. От тех, чьи имена стали названиями улиц, до тех, кто ещё живёт с нами в одном времени и дышит одним воздухом. От Гомера до тех, кто сегодня вечером дописывает последнюю главу. Потому что *ubi vita, ibi poesis* – где жизнь, там и поэзия. И потому что литература не знает хронологии: она говорит с нами поверх столетий, как будто они сидят в одной комнате.

Здесь будут друзья и враги. Литература – это не только текст, но и отношения: дружба, которая длится десятилетиями, и вражда, которая питает обе стороны. Будут ссоры, примирения, дуэли, эпиграммы, письма с оскорблениями и письма с признаниями. Будут те, кто помогал, и те, кто мешал. Будут редакторы, жёны, вдовы, дети, издатели, цензоры – все те, кто остаётся в сносках, но без кого не было бы и главного текста.

Здесь будут драмы и капризы. Писатели – не святые. Они бывают мелочными, мнительными, завистливыми, деспотичными. Они боятся критики и жаждут славы. Они бросают рукописи в огонь и вытаскивают их из огня. Они умирают в нищете и доживают до триумфа. Они капризничают,

как дети, и рассуждают, как боги. И именно это делает их живыми. Не глянец, а трещины. Не памятник, а лицо.

Здесь будет время. Каждая эпоха накладывает на писателя свою тень: цензуру, моду, страх, надежду. Революция и застой, война и оттепель, эмиграция и возвращение. Время входит в текст, даже если писатель пытается от него спрятаться. И время же решает, кто останется, а кто забудется. Я не берусь судить, но берусь свидетельствовать.

И здесь будет наследие. То, что остаётся после. Не только книги, но и архивы, письма, черновики, вещи, легенды, анекдоты. Тени, которые продолжают жить своей жизнью. То, что мы называем «следом» – и что на самом деле никогда не бывает полным.

Этот сборник не претендует на полноту. Любая библиография неполна. Всегда остаются непрочитанные письма, неразобранные архивы, забытые имена. Но это и есть жизнь – открытый список. Поэтому книга будет пополняться. Ежедневно, онлайн, в том же ритме, в котором писатель садится за стол. *Nulla dies sine linea* – ни дня без строчки. Ни дня без новой записи в библиографии Парнаса.

Я пишу о тех, кто оставил след, потому что *ubi vita, ibi poesis*. Потому что пока есть жизнь – есть поэзия. Потому что пока есть читающий – есть и тот, о ком стоит рассказать.

Esto brevis. Будь краток. Но будь.

Глава 2

«Первый шаг на Парнас»

Пушкинский рассказ

В Царском Селе стояло жаркое лето. Липовая аллея, что вела от дворца к лицу, пахла мёдом и пылью, и в этой духоте лениво жужжали шмели, а лицеисты разбрелись кто куда: иные купаться на пруд, иные спать в тени, иные – боже упаси! – зубрить латынь.

Александр Пушкин сидел в своей комнате у раскрытого окна. Перед ним лежал лист бумаги, исцарапанный торопливым, но уже уверенным почерком. Он правил стихи – послание к Кюхельбекеру. Кюхля, долгоязыый, близорукий, возторженный, вчера целый вечер читал ему свои вирши о свободе и славе, и Александр слушал, кивал, а потом, оставшись один, взял перо и написал:

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!

Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса...

Он усмехнулся. Арист – это Кюхля, конечно. А Пегас – это тот самый конь, на который Кюхля норовил вскочить, но всякий раз падал. Александр любил товарища, но удержаться от насмешки не мог. Он и сам писал стихи, но знал: чужая слава – сон, а своя – труд. И потому в послании своём советовал другу оставить опасное ремесло, ибо, как сказано

у древних, не всяк поэт, кто рифмы плестъ умеет.

Кончив править, он перечитал последние строки:

Поверь: невеждам ты позорно не знаком,

Но что, когда с слепой надеждой

Ты вступишь на Парнас с неопытным умом?

Он хотел было спрятать бумагу в стол, но тут в дверь тихонько постучали, и вошёл Антон Дельвиг – сонный, пухлый, с вечно полузакрытыми глазами.

– Чего сидишь как сыч? – спросил Дельвиг, заглядывая через плечо. – А! Кюхлю распекаешь? Дай-ка, дай-ка взглянуть.

Александр неохотно протянул лист. Дельвиг пробежал строки глазами, и ленивая его физиономия оживилась.

– Хорошо, братец, – сказал он протяжно. – А что, если мы это... в журнал?

– Что? – Александр даже привстал. – В журнал? Нет, Антон, полно. Я ещё... я не готов.

Но Дельвиг уже отмахнулся пухлой ладонью.

– Вздор. Я сам третьего дня в «Вестник Европы» посылал, и ничего. Измайлов печатает. А деньги платит. – Он подмигнул. – Да и потом, ты как подпишешься? Никто и не узнает.

– А как подпишусь? – переспросил Александр, и в глазах его мелькнула хитринка. Он взял чистый лист, начертал быстро: *Александр Н.к.ш.п.* – и засмеялся.

– Видишь? Согласные – в обратном порядке. Дядя мой так подписывается – только прямо. А я – наоборот.

Дельви́г одобрительно хмыкнул, сунул бумагу в карман и ушёл, не попрощавшись. Александр остался у окна, глядя, как солнце клонится к закату, и думал: а что, если и вправду напечатают? Как это будет? Увидит ли Кюхля? Узнает ли? И главное – что скажет дядя, если стихи попадутся ему на глаза?

Прошла неделя, другая. Александр уже и забыл о послании. В лицейской жизни было много другого: лекции профессора Куницына, ночные сражения подушками, прогулки в сад с девушками из соседнего пансиона. Но однажды утром Дельви́г возник в дверях его комнаты с загадочным видом, держа за спиной что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.